

Лодка с черным тентом продолжала плыть вперед, как вдруг раздался глухой удар, и она остановилась.

Янь Уюй отложил кисть и выглянул в окно, удивленно спросив:

— Почему лодка остановилась?

Е Чанцзянь ответил:

— Мы наткнулись на барьер.

Каждая резиденция кланов культиваторов защищена оборонительным барьером, особенно резиденции Четырех Великих Кланов.

— Прорываться?

— Не нужно. Как только мы войдем в их владения, они сразу узнают.

Едва он произнес эти слова, лодка снова пришла в движение и направилась к пристани «Где некогда сияли радужные облака».

Лодка причалила.

Они спрыгнули на берег. Янь Уюй легким взмахом руки развеял лодку и певицу, превратив их в лист бумаги, который свернулся и улетел к нему в рукав.

Был закат. На пристани стоял Тан Цзянли в зеленых рукавах и белой одежде; вокруг него словно витала аура бессмертного, прекрасный и недостижимый, словно небожитель.

Е Чанцзянь с улыбкой произнес:

— Мне выпала великая удача — встречает сам господин Тан.

Янь Уюй фыркнул на него:

— Оставь эти церемонии, иди скорее, оставь меня наслаждаться свободой, ладно?

Е Чанцзянь не выдержал и пнул его в зад. Янь Уюй увернулся:

— Ха, не попал!

Едва слово сорвалось с губ, из-под ног выросли бесчисленные лианы, крепко обвив его ноги.

Е Чанцзянь не накладывал печати, так кто же использовал Заклинание Древесного Духа, связывающее?

Янь Уюй сердито посмотрел на них:

— Это уже слишком, вы сговорились издеваться над одиноким человеком?

Е Чанцзянь улыбнулся еще шире, а Тан Цзянли протянул руку и взял его за запястье.

— Пойдем.

Он взглянул на Янь Уюй, и лианы сами собой втянулись обратно.

Янь Уюй, получив свободу, сразу последовал за ними.

Сойдя с пристани, они поднялись на «Дощатый мост, соединяющий облака». Под ногами плыли мягкие облака, а в голубом озере Чэн отражались их трое фигур. Озеро было покрыто розовыми лотосами, а золотые карпы весело плавали повсюду.

Всюду лежали опавшие лепестки, каждые десять шагов стояли каменные фонари «Яркой луны», на которых были установлены журавли — то гордо стоящие, то склонившие шеи для чистки перьев.

С каждым их шагом под ногами медленно распускался священный снежный лотос.

Это было чудесное зрелище «Где некогда сияли радужные облака» — с каждым шагом расцветали лотосы.

Хотя в мире за пределами этого места был только середина октября, в «Где некогда сияли радужные облака» собрались красоты всех четырех сезонов.

Перейдя озеро Чэн, они поднялись на «Каменную тропу в инеевом лесу». Клены были багровые как кровь, белые одуванчики медленно летали в воздухе, а каменная дорожка извивалась вверх, уходя в невидимую даль.

Е Чанцзянь поднял голову и посмотрел вверх. Яркие облака окутали половину горы, создавая теплую и величественную картину.

Он вспомнил слова Ли Цзюньяня:

— Слово старый друг вернулся, где некогда сияли радужные облака, небо полно красок, и закат никогда не исчезает.

Они продолжили идти по извилистой каменной дорожке, пока не дошли до беседки под названием «Уже звучат цинь и сэ». В беседке стоял стол из белого нефрита, на котором лежала древняя цитра из черного дерева с семью струнами.

Каменная дорожка разделилась. Одна ветвь вела внутрь, где были сады с соснами и бамбуками, бирюзовая вода огибала берег, а черные крыши и белые стены чередовались. Иногда два-три белых кролика беззаботно прыгали вокруг.

Е Чанцзянь мельком взглянул на это, словно перенесся в другую жизнь.

Они не пошли в бамбуковую рощу, а продолжили подниматься по ступеням, пока не увидели огромный сад с цветущими сливами. Красные сливы стояли на ветках, покрытых снегом. В саду слив возвышалась высокая платформа «Собирающая звезды»; как следовало из названия, стоя на ней, можно было достать звезды.

В этот момент подул легкий ветерок, и лепестки слив посыпались вниз, падая на черные волосы и белые одежды Тан Цзянли.

Е Чанцзянь серьезно сказал:

— Тан Цзянли, здесь действительно красиво.

Тан Цзянли повернул голову к нему, в голосе звучала нотка улыбки:

— Ты можешь остаться здесь навсегда.

Он покачал головой:

— Нет, дальше нужно отправиться в клан Тушань на учебу.

Не услышав шагов позади и не получив ответа от Янь Уюя, Е Чанцзянь обернулся и увидел, что Янь Уюй уже держит кисть «Цзинхун», расстелив лист бумаги и что-то рисуя на земле.

Е Чанцзянь рассмеялся:

— Лу Яо, тебя сюда не за этим послали!

Янь Уюй, не поднимая головы, сказал:

— Идите вперед, я сейчас закончу и догоню.

Они прошли через сад слив, по обеим сторонам дороги росли глицинии и сакуры, их лепестки нежно падали вниз.

Небесные фонари висели через равные промежутки, их свет ярко горел.

Величественная резиденция бессмертных возвышалась до самых облаков.

Еще не войдя в резиденцию, они услышали громкие голоса, читающие вслух, которые доносились с ветром.

Е Чанцзянь сморщил свое изящное личико, словно выпив кружку «Июньского инея», и умоляюще сказал:

— Тан Цзянли, можно мне не учить с ними книги?

— Не хвастаясь скажу, древних книг я прочитал больше, чем ты съел соли. А ваши книги по культивации пусть лучше читает Лу Яо. Скажешь?

Тан Цзянли не ответил, лишь слегка сжал его запястье.

Е Чанцзянь спросил:

— Тан Цзянли, ты в домашней одежде?

— Да.

Е Чанцзянь улыбнулся:

— Сучжоуская вышивка всегда славилась как жемчужина Востока, известная во всем мире. Сегодня вижу, что это действительно так.

Благодаря уникальным географическим условиям, шелк из Сучжоу особенно красив, нити переливаются всеми цветами радуги, а вышивка особенно изящна. Самая известная — это имитация картин, когда готовое изделие трудно отличить от оригинала, настолько оно реалистично.

Клан Танмэнь, будучи строгим кланом культиваторов, избегал яркости и пышности

сучжоуской вышивки, предпочитая простоту и элегантность.

Зелено-белая мантия с вышитыми бамбуковыми листьями, словно картина тушью под дождем в Цзяннани, была изысканной и естественной.

В это время в клане Танмэнь проходил дневной урок, и в классе сидели младшие члены клана, не достигшие семнадцати лет.

Возраст поступления в «Далёкие Облака и Воды» — от семнадцати до двадцати одного года. Младшие члены Четырех Великих Кланов сначала учились в своих резиденциях, а по достижении нужного возраста отправлялись в «Далёкие Облака и Воды», где учились четыре года, после чего возвращались в свои резиденции для дальнейшего обучения.

Те, кто не принадлежал к основному клану, но действительно выделялся среди учеников Клана Меча, могли остаться в главной резиденции Танмэнь после окончания турнира в «Далёких Облаках и Водах».

Е Чанцзянь у окна с важным видом наблюдал за маленькими учениками, сидевшими с прямыми спинами и строгими лицами.

Он окинул взглядом всех, пока не увидел на последнем ряду ученика, который дремал. Он ткнул Тан Цзянли в бок:

— Смотри, там маленький ленивец.

Очевидно, учитель тоже заметил этого ученика и, разгневанный, подошел к нему, громко кашлянув.

Сосед по парте быстро толкнул его, и ученик, сонными глазами глядя на учителя, невнятно сказал:

— Учитель, если вы заболели, разве вам не стоит отдохнуть? Или вы надеетесь, что Патриарх вручил вам медаль за трудовой подвиг?

Учитель был в ярости, крича:

— Ты... вон из класса!

— Ладно.

Ученик потер глаза и направился к двери.

Ученик подошел к тому месту, где стоял Е Чанцзянь, остановился в трех шагах и начал раскачиваться, словно вот-вот упадет.

Е Чанцзянь подошел к нему, внимательно разглядывая его лицо.

Юноше было около пятнадцати-шестнадцати лет, у него было белое лицо формы персикового ядра, звездные очи и лунная внешность, сияющие, словно жемчужина.

Он мягко спросил:

— Маленький ученик, как тебя зовут?

Ученик, полускрыв глаза, поднял голову:

— Тан Цюци.

Е Чанцзянь молча посмотрел на него, затем обернулся и спросил:

— Тан Цзянли, кто мать этого ученика?

Услышав имя Тан Цзянли, ученик сразу проснулся, поднял голову и громко крикнул:

— Старший брат!

Е Чанцзянь взял Тан Цюци за голову и повернул её к себе, его глаза словно выпускали стрелу, пытаясь разглядеть его истинную сущность, и спросил:

— Малыш, кто твой отец?

Тан Цюци невинно улыбнулся и указал на Тан Цзянли за его спиной:

— Он.

Е Чанцзянь с трудом повернул голову к Тан Цзянли и, наконец, произнес:

— Тан Цзянли, это не наш с тобой ребенок?

Внешность Тан Цюци была на шесть-семь десятых похожа на Е Чанцзяня в юности.

Тан Цюци прищурился и осмотрел его:

— Ты Гу Няньцин?

Е Чанцзянь спросил:

— Я что, очень известен?

Тан Цюци ответил:

— Кто в главной резиденции Танмэнь тебя не знает? Ты не побоялся в «Далёких Облаках и Водах» приставать к старшему брату и принародно признаться ему в любви. Мы все гадали, кто же этот человек, похожий на небожителя!

Е Чанцзянь усмехнулся:

— Ну что ж, должно быть, ты разочарован.

Тан Цюци окинул его взглядом с головы до ног и кивнул:

— Ну, ничего так, не урод. У старшего брата вкус всегда был... своеобразный.